

Верлиока

301[1]

Жили-были дед да баба, а у них были две внучки-сиротки — такие хорошенькие да смирные, что дед с бабушкой не могли ими нарадоваться. Вот раз дед вздумал посеять горох; посеял — вырос горох, зацвёл. Дед глядит на него, да и думает: «Теперь буду целую зиму есть пироги с горохом». Как назло деду, воробьи и напали на горох. Дед видит, что худо, и послал младшую внучку прогонять воробьёв. Внучка села возле гороха, машет хворостиной да приговаривает:

— Кишь, кишь, воробьи! Не ешьте дедова гороху!

Только слышит: в лесу шумит, трещит — идёт Верлиока, ростом высокий, об одном глазе, нос крючком, борода клочком, усы в пол-аршина, на голове щетина, на одной ноге — в деревянном сапоге, костылём подпирается, сам страшно ухмыляется. У Верлиоки была уже такая натура: завидит человека, да ещё смиренного, не утерпит, чтобы дружбу не показать, бока не поломать; не было спуска от него ни старому, ни малому, ни тихому, ни удалому. Увидел Верлиока дедову внучку — такая хорошенькая, ну как не затрогать её? Да той, видно, не понравились его игрушки: может быть, и обругала его — не знаю; только Верлиока сразу убил её костылём.

Дед ждал-ждал — нет внучки, послал за нею старшую. Верлиока и ту прибрал. Дед ждёт-пождёт — и той нет! — и говорит жене:

— Да что они там опозднились? Пожалуй, с парубками развозились, как трещотки трещат, а воробьи горох лущат. Иди-ка ты, старуха, да скорей тащи их за ухо.

Старуха с печки сползла, в углу палочку взяла, за порог перевалилась, да и домой не воротилась. Вестимо, как увидела внучек да потом Верлиоку, догадалась, что это его работа; с жалости так и вцепилась ему в волосы. А нашему забияке то и на руку...

Дед ждёт внучек да старуху — не дождётся; нет как нет! Дед и говорит сам себе: «Да что за лукавый! Не приглянулся ли и жене парень чернявый? Сказано: от нашего ребра не ждать нам добра; а баба всё баба, хоть и стара!» Вот так мудро размысливши, встал он из-за стола, надел шубку, закурил трубку, помолился богу, да и поплёлся в дорогу. Приходит к гороху, глядит:

лежат его ненаглядные внуки — точно спят; только у одной кровь, как та алая лента, полосой на лбу видна, а у другой на белой шейке пять синих пальцев так и оттиснулись. А старуха так изувечена, что и узнать нельзя. Дед зарыдал не на шутку, целовал их, миловал да слёзно приговаривал.

И долго бы проплакал, да слышит: в лесу шумит, трещит — идёт Верлиока, ростом высокий, об одном глазе, нос крючком, борода клочком, усы в пол-аршина, на голове щетина, на одной ноге — в деревянном сапоге, костылём подпирается, сам страшно ухмыляется. Схватил деда и давай бить; насилиу бедный вырвался да убежал домой. Прибежал, сел на лавку, отдохнул и говорит: «Эге, над нами строить штуки! Постой, брат, у самих есть руки... Языком хоть что рассуждай, а рукам воли не давай. Мы и сами с усами! Задел рукой, поплатишься головой. Видно тебя, Верлиока, не учили сызмала пословице: делай добро — не кайся, а делай зло — сподевайся[2]! Взял лычко, отдай ремешок!» Долго рассуждал дед сам с собою, а, наконец, наговорившись досыта, взял железный костыль и отправился бить Верлиоку.

Идёт-идёт и видит ставок[3], а на ставке сидит куцый селезень. Увидал деда селезень и кричит:

— Так, так, так! Ведь я угадал, что тебя сюда поджидал. Здоров, дед, на сто лет!

— Здорово, селезень! Отчего же ты меня поджидал?

— Да знал, что ты за старуху да за внучек пойдёшь к Верлиоке на расправу.

— А тебе кто сказал?

— Кума сказала.

— А кума почём знает?

— Кума всё знает, что на свете делается; да другой раз ещё дело и не сделалось, а кума куме уж о том на ухо шепчет, а нашепчутся две кумы — весь мир узнает.

— Смотри, какое диво! — говорит дед.

— Не диво, а правда! Да такая правда, что бывает не только с нашим братом, а водится и промеж старшими.

— Вот что! — молвил дед и рот разинул; а потом, опомнившись, снял шапку, поклонился куцему селезню и говорит:

— А вы, добродее[4], знаете Верлиоку?

— Как, как, как не знать! Знаю я его, кривого.

Селезень поворотил голову на сторону (сбоку они лучше видят), прищурил глаз, поглядел на деда, да и говорит:

— Эге! С кем не случается беда? Век живи, век учись, а все дурнем умрёшь. Так, так, так!

Поправил крылья, повертел задом и стал учить деда:

— Слушай, дедушка, да учись, как на свете жить! Раз как-то вот тут на берегу начал Верлиока бить какого-то горемыку. А в те поры была у меня за каждым словом поговорка: ах, ах, ах! Верлиока потешается, а я сижу в воде, да так себе и кричу: ах, ах, ах!.. Вот он, управившись по-своему с горемыкою, подбежал ко мне, да, не говоря худого слова, хватить меня за хвост! Да не на таковского напал, только хвост у него в руках остался. Оно хоть хвост и невелик, а все-таки жаль его... Кому своё добро не дорого? Говорят же: всякой птице свой хвост ближе к телу. Верлиока пошёл домой, да и говорит дорогою: «Постой же! Научу я тебя, как за других заступаться». Вот я и взялся за ум и с той поры — кто бы что ни делал, не кричу: ах, ах, ах! а всё придакиваю: так, так, так! Что же? И житьё стало лучше, и почету от людей больше. Все говорят: «Вот селезень — хоть куцый, да умный!»

— Так не можешь ли ты, добродее, показать мне, где живёт Верлиока?

— Так, так, так!

Селезень вылез из воды и, переваливаясь с боку на бок, словно купчиха, пошёл по берегу, а дед за ним.

Идут-идут, а на дороге лежит бечёвочка и говорит:

— Здравствуй, дедушка, умная головушка!

— Здравствуй, бечёвочка!

— Как живёшь? Куда идёшь?

— Живу и так и сяк; а иду к Верлиоке на расправу; старуху задушил, двух внушек убил, а внушки были такие хорошие — на славу!

— Я твоих внушек знала, старуху поважала[5]; возьми и меня на подмогу!

Дед подумал: «Может, пригодится связать Верлиоку!» — и отвечал:

— Полезай, когда знаешь дорогу.

Верёвочка и поползла за ними, словно змея.

Идут-идут, на дороге лежит колотушка, да и говорит:

— Здравствуй, дедушка, умная головушка!

— Здравствуй, колотушка!

— Как живёшь? Куда идёшь?

— Живу и так и сяк; а иду к Верлиоке на расправу. Подумай: старуху задушил, двух внушек убил, а внушки были на славу.

— Возьми меня на подмогу!

— Ступай, когда знаешь дорогу.

А сам думает: «Колотушка и впрямь поможет». Колотушка поднялась, упёрлась ручкой о землю и прыгнула.

Пошли опять. Идут-идут, а на дороге лежит жёлудь и пищит:

— Здравствуй, дед долгоногий!

— Здравствуй, жёлудь дубовый!

— Куда это так шагаешь?

— Иду Верлиоку бить, когда его знаешь.

— Как не знать! Пора уж с ним расплатиться; возьми и меня на подмогу.

— Да чем ты поможешь?

— Не плюй, дед, в колодезь — достанется водицы напиться; синица не велика птица, да всё поле спалила. А ещё говорят: мал золотник, да дорог; велика Федора, да дура!

Дед подумал: «А пускай его! Чем больше народу, тем лучше», и говорит:

— Плетись позади!

Какое — плетись! Жёлудь так и скачет впереди всех.

Вот и пришли они в густой, дремучий лес, а в том лесу стоит избушка. Глядят — в избушке никого нет. Огонь давно погас, а на шестке стоит кулиш[6]. Жёлудь не промах — вскочил в кулиш, верёвочка растянулась на пороге, колотушку положил дед на полку, селезня посадил на печку, а сам стал за

дверью. Пришёл Верлиока, кинул дрова на землю и стал поправлять в печке. Желудь, сидя в кулише, затянул песню:

— Пи... пи... пи! Пришли Верлиоку бить!

— Цыц, кулиш! В ведро вылью, — крикнул Верлиока.

А желудь не слушает его, знай своё пищит. Верлиока рассердился, схватил горшок да бух кулиш в ведро. Желудь как выскочит из ведра, щёлк Верлиоку прямо в глаз, выбил и последний. Верлиока кинулся было наутёк, да не тут-то было — верёвочка перецепила его, и Верлиока упал. Колотушка с полки, а дед из-за дверей, и давай его потчевать; а селезень за печкой сидит да приговаривает:

— Так, так, так!

Не помогли Верлиоке ни его сила, ни его отвага. Вот вам сказка, а мне бубликов вязка.